

НЕЧТО ОСОБЕННОЕ ИЛИ НИЧЕГО ОСОБЕННОГО? ПРОБЛЕМА НЕПРОБЛЕМАТИЧНОСТИ МЕДИА*

© Д. Ю. Сивков

Сивков Денис Юрьевич

кандидат философских наук
доцент кафедры философии
и культурологии факультета
государственного и муниципаль-
ного управления

Волгоградская академия
государственной службы

Статья посвящена проблеме соотношения материальной реальности технических медиа и образов, порождаемых такими медиа. На материале антропологического анализа конструирования фактов в лаборатории, проделанного французским социологом Б. Латуром, демонстрируется, что материальная активность «записывающих устройств» игнорируется как в повседневности, так и в научном дискурсе. Предлагается понимать медиа в контексте концепции ускользающей реальности. При этом отклонение медиа рассматривается как условие их обнаружения.

Ключевые слова: медиа, Карлсон, Латур, Хайдеггер, Адорно, ускользающая реальность, образ, лаборатория, записывающее устройство, сопротивление.

Пожалуй, довольно точно выразил проблему соотношения образа и материальных структур в технических медиа Карлсон, который жил на крыше. Маленький шведский мудрец спросил у Малыша о дикторе в телевизоре: «Как это вы умудрились его засунуть в этот ящик?» Наивность человека с пропеллером может обернуться полезной феноменологической редукцией, которая снимает все дорефлексивные установки, мешающие познанию.

«Потом Карлсон опустился на колени и осмотрел низ телевизора:

* Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00071-а «Концептуальные основы философии масс-медиа».

– А как же он все-таки сюда попал?

Малыш попытался объяснить, что это не живой человек, а *только* изображение, но Карлсон даже рассердился:

– Ты меня не учи, балда! Не глупей тебя! Сам понимаю, что это такой *особый* человек...»¹

Здесь можно увидеть искреннее удивление литературного персонажа, с которого, как известно, начинается философия. Самая обычная, казалось бы, вещь, в данном случае телевизор, вдруг становится чем-то особенным. Эта особенность проявляется, например, в непонятности, сложности объекта, с виду простого, но на деле оказавшегося черным ящиком. Итак, философия вызывает удивление, начинается с удивления, но, кроме того, философия работает в противоположном режиме, когда снижает степень удивления. Нечто необычное (экономический кризис, инопланетяне, поп-музыка и т. п.) объявляется чем-то вполне обыденным и объяснимым. Можно сказать, что предмет, в отношении которого снижается удивление, не считается серьезной проблемой. По-видимому, такая балансировка между удивлением и невозмутимостью и составляет смысл философии, и здесь очень важно соблюсти меру.

В этой связи заслуживает внимания определение медиа, которое мимоходом предложил немецкий теоретик Мартин Зеель: «Медиа в общем-то не представляют ничего особенного»². Скорее всего, имеется в виду не отсутствие исследовательского интереса, а некоторая незаметность медиа, которые являются чем-то обыденным. Очевидно, что медиа могут волновать обывателей в основном как предметы демонстративного потребления, обладание которыми подчеркивает тот или иной статус владельца мобильного телефона, а лет 20 назад импортного телевизора³. Кроме того, медиа воспринимаются в повседневности как невидимые поставщики образов и текстов. Проблематичными же медиа становятся, когда выходят из строя. Вообще говоря, только когда технические устройства ломаются, их существование как своего рода сопротивление вновь становится очевидным⁴.

Итак, будучи поставщиками образов и текстов, материальность технических медиа, обеспечивающая их работу, как бы отходит на второй план. В свою очередь, буквы и цветные картинки полностью захватывают сознание. При этом, как убедительно показал Вилем Флюссер, образы, призванные репрезентировать реальность, на деле скрывают ее от субъекта.

¹ Линдгрэн А. Малыш и Карлсон // Киплинг Р., Линдгрэн А., Милн А. А. Маугли; Малыш и Карлсон; Вини-Пух и все-все-все. М., 1985. С. 324. (Курсив мой. – Д. С.)

² See I. Medien der Realitat und Realitat der Medien // Medien. Computer. Realitat. Wirklichkeitsvorstellungen und Neue Medien. Fr.a M., 1998. S. 224.

³ О демонстративном потреблении см. подробнее: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003.

⁴ Можно только догадываться, сколько гневных речей было обращено владельцами персональных компьютеров, например, при заражении своих технических средств вирусами.

Изображения выступают посредниками между миром и человеком. Человек «эк-зистировать», это значит, что мир недоступен ему непосредственно, так что изображения берут на себя обязанность сделать мир представимым для человека. Но как только они это делают, они встают между миром и человеком. Они должны быть географической картой, но становятся экраном: представляя мир, заслоняют его до той степени, что человек в конце концов начинает жить функцией созданных им образов⁵.

Как известно, экран — это то, что скрывает, и то, что показывает одновременно. История человечества, в этом смысле, есть история воображения. Технические же образы, например, фотографии, являются абстракцией третьего порядка. Сначала в истории человечества образы представляют реальность, затем тексты пытались расшифровать эти образы, объяснить их, а теперь технические образы пытаются делать наглядными тексты. Каждый раз человек, пытаясь приблизиться к реальности, все больше от нее удалялся. При этом сначала образы считаются вещами (как то, что действительно существует), а затем сами вещи (медиа) превращаются в образы. Попытка объяснить медиа если и имеет место быть, то представляет собой серию наглядностей. Материальность медиа каждый раз редуцируется к некоторому образу или тексту.

Речь, конечно, не идет о том, чтобы в очередной раз пофилософствовать молотом и устроить кампанию иконоборчества, наконец-то раз и навсегда пробиться к истинной реальности. Здесь можно говорить лишь о некоторой методологической корректировке в рамках теории медиа. Необходимо осознать, что иконический или пикторальный поворот по сути означает, что при исследовании медиа внимание обращается только на продукт медиа — на образы и тексты, в то время как сами медиа остаются непроблематичными: им не задают вопросов, их выводят за скобки, их используют по умолчанию. Медиа — это комплексные образования, и то, что они производят, эффект их работы — это всего лишь одна из составляющих⁶. То есть существует опасность, что иконический поворот может превратиться в иконический крен, когда не будет ничего, кроме образов, и некоторые из них будут считаться образами, а некоторые «твердой» реальностью⁷.

Понятно, что в повседневности медиа, пока исправно работают, остаются непроблематичными; в повседневности принято не задавать лишних вопросов, оставаясь в некоторой по-средственности. Но примечательно, что для ученых, для тех, кто привык все ставить под вопрос, медиа, участвующие в производстве истины, также остаются непроблематичными. Интересным является исследование, которое провели французский социолог, основатель ANT (акторно-сетевой теории) Бруно Латур с бри-

⁵ Флюссер В. За философию фотографии. СПб., 2008. С. 8.

⁶ Попытка комплексного определения медиа представлена в работе: Winkler H. Mediendefinition // Medienwissenschaft – Rezensionen, Reviews. № 1/04, Mai 2004. S. 9—27.

⁷ Здесь уместно вспомнить Ж. Бодрийера и его концепцию симуляции.

танским социологом науки Стивеном Вулгаром в работе «Лабораторная жизнь»⁸.

Итак, Латур хотел понять, как конструируется истина в научной лаборатории, и для этого устроился на работу в центр нейроэндокринологии, где происходило выявление новых гормонов и исследовалось их влияние на организм. Он предложил антропологический метод исследования, граничащий с феноменологической редукцией. Перед входом в лабораторию необходимо освободиться от всякого предварительного знания об ученых, посмотреть на них, как на некое неведомое и незнакомое племя, а на вещи и действия, как на нечто необычное. При этом о них следует говорить не на языке самих ученых, работающих в лаборатории, и не на языке обывателя. Необходимо было выбрать принцип организации [исследования], который позволит ему [исследователю] дать описание лаборатории, достаточно отличное от тех описаний, которые делают сами ученые, но все же представляющее достаточный интерес для ученых и для читателей, не знакомых с биологией⁹.

В соответствии с этим принципом, французский социолог обратил внимание на то, что деятельность ученых в данной лаборатории сводится к постоянному производству записей. Описываются испытываемые образцы, реакция лабораторных животных, делаются выписки из научных журналов, составляются статьи, записываются результаты телефонных переговоров с другими организациями и многое другое. Деятельность лаборатории есть перевод материального мира в текст, природы — в документы.

Сегменты мускулатуры, пучки света, даже клочки промокающей бумаги запускают различное записывающее оборудование. И сами ученые опираются в своем письме на письменные результаты записывающего оборудования¹⁰.

Итак, лаборатория производит тексты и состоит из различных записывающих устройств (inscription devices), которые «преобразовывают материальную субстанцию в график или диаграмму». Некоторые из них являются довольно-таки сложными аппаратами (ротационный испаритель, центрифуга, шейкер, дробилка, радиоиммунологический тестер и т. п.). При этом неизвестно, что происходит внутри аппарата, «записи рассматриваются как имеющие прямое отношение к «исходному веществу», а «промежуточная материальная активность выносятся за скобки»¹¹. Аппараты в лаборатории, или медиа, воспринимаются как «черные ящики» (black boxes), в которых некоторое состояние фиксируется на входе и на

⁸ Поскольку в дальнейшем эти идеи развивает только Латур, например, в работе «Наука в действии», постольку в дальнейшем для удобства будет упоминаться Латур без Вулгара.

⁹ Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, 1986. p. 44 (Здесь и далее неопубликованный перевод с англ. А. Г. Кузнецова).

¹⁰ Ibid. p. 51.

¹¹ Ibid.

выходе, а то, что происходит внутри, является тайной. Латур предлагает понимать под черным ящиком «непроблематичный объект», в котором «много элементов вынуждено действовать как один элемент»¹².

После получения необходимой записи в лаборатории, или так называемого факта, сам процесс ее получения никак не фиксируется; сложность работы аппарата, опосредующего производство факта, никак не учитывается. Проблематичными лабораторные медиа могут считаться только при установке или тогда, когда выходят из строя.

Одной важной особенностью использования записывающих устройств в лаборатории является то, что, как только получен конечный продукт, запись, все промежуточные шаги, которые сделали возможным ее производство, забываются. Диаграмма или лист с графиками становятся центром дискуссии между работниками, а материальные процессы, которые вызвали их к жизни, либо забываются, либо считаются само собой разумеющимися, будучи всего лишь техническими вопросами. Первое последствие изгнания материальных процессов в царство просто технического состоит в том, что записи рассматриваются как непосредственные индикаторы изучаемого вещества¹³.

Другими словами, посредники выводятся из процесса получения «истины». Сами медиа когда-то были получены и сконструированы как совокупность фактов в другой области науки: они тоже когда-то были противоречивыми и проблематичными. При этом полученные факты могут послужить условием создания новых посредников производства знания в этой или другой области. «Каждый факт может стать исходным пунктом нового противоречия, которое привело бы к еще большему количеству фактов, и так далее и *ad infinitum*»¹⁴.

Любой аппарат включен в некоторую необозримую сеть, и вся эта сложность так или иначе игнорируется учеными. «Цепь событий <...> является слишком длинной для того, чтобы ее мог запомнить какой-либо наблюдатель, техник или ученый»¹⁵. Кроме того, в качестве серьезных сил, определяющих появление и существование аппаратов, необходимо учитывать рынок и промышленность. «Если записывающие устройства являются овеществлением теорий и практик, то действующие единицы оборудования — это рыночные формы этих овеществлений»¹⁶.

Таким образом, очевидно, что даже в лаборатории технические медиа являются непроблематичными черными ящиками. Получается, что медиа как бы вообще не существуют. И здесь, соответственно, возникает некоторый выбор: можно также продолжать игнорировать работу медиа и очаровываться образами, а можно попытаться все же их обнаружить и понять принцип действия.

¹² Latour B. *Science in Action*. Cambridge, 1987. P. 131.

¹³ *Laboratory Life*. P. 63.

¹⁴ *Science in Action*. P. 80.

¹⁵ *Laboratory Life*. P. 68.

¹⁶ *Ibid.*

Как ни странно, интерпретация главного тезиса теории медиа «Medium is the message» тоже связана с подобным выбором. Итак, медиа отправляют некоторое сообщение о самих себе. Далее можно либо исследовать это сообщение как сообщение и оставить медиа в покое, либо использовать его для поиска того, что собственно и называется медиа.

Но сами медиа ведут себя странным образом. Они как бы прячутся за текстами и образами, выставляют вместо себя сообщения, ускользают. Всякая реальность опосредована медиа, ничего не дано непосредственно. То есть каждый раз субъект имеет дело не с искомой реальностью, а с посредниками. С помощью медиа субъект «наблюдает не события, а наблюдения»¹⁷. Более того, «медиа можно наблюдать только с помощью медиа»¹⁸. В этом смысле тотальное познание всех технических устройств невозможно; что-то обязательно останется за скобками.

Итак, посредники стараются быть незаметными. Будучи материальными объектами, они, так сказать, отсутствуют в кадре, их невозможно обнаружить в продукте — в образе или тексте. Так, при просмотре кинофильма мы не видим камеру, микрофон, мониторы, провода и прочее. Когда субъекта фотографируют или снимают на видео, он делает вид, что посредник отсутствует. При восприятии реальности мы даже не догадываемся, что те или иные «картины мира» не только произведены, но и навязаны нам медиа. Перцептивные решетки медиальны по сути.

По мнению Бориса Гройса, «субмедиальное пространство позади знакового слоя, покрывающего медиальную поверхность», всегда находится «под подозрением» субъекта¹⁹. В случае новых медиа (компьютеров и сетей) также подчеркивается принципиальная непереодоимость материального базиса на язык образов²⁰. Очевидным является наличие упорной материальности аппаратов, которые мигают, пищат, скрипят и т. п.

Все это и многое другое указывает на то, что материальность медиа следует понимать как ускользающую реальность. Если для пояснения данной концепции вспомнить платоновский образ пещеры, то можно сказать, что пленник выходит не из пещеры на свет, а в более просторную пещеру, границы которой пока неизвестны. Соответственно, познание есть переход из пещеры в пещеру, а «свет», или реальный мир, всегда ускользает от субъекта.

Во второй половине XX в. складывается традиция понимания реальности как ускользающей реальности. Концепция ускользания представлена у позднего Хайдеггера, который считал, что Бытие демонстрирует специфическое поведение, на которое в свое время указал Гераклит: «Бытие (природа) любит прятаться»²¹. Хайдеггер так поясняет этот фрагмент:

¹⁷ Bolz N. *Das ABC der Medien*. Muenchen, 2007. S. 36.

¹⁸ Winkler H. *Op. cit.* S. 16.

¹⁹ Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа. М., 2006. С. 77.

²⁰ Tholen G. *Media Metaphorology: Irritations in the Epistemic Field of Media Studies // Epistemic Field of Media Studies The South Atlantic Quarterly*. 101:3, Summer 2002. Pp. 659–672.

²¹ Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. С. 192.

«Бытию принадлежит некое самоскрывание»²². Другими словами, бытие всегда вместо себя выставляет некое сущее, тем самым скрывается, ускользает или уклоняется. Истина замещается некоторой видимостью. «Бытие имеется всякий раз только в том или ином облике, посланном историей...»²³. Причем данную подмену следует считать необходимым онтологическим эффектом. «В этом уклонении скрывается сущность бытия»²⁴.

Концепция уклоняющейся реальности также присутствует в негативной диалектике Теодора Адорно. Немецкий философ в большей степени известен как критик целостности. Лозунгом его критической теории являются слова: «Целое есть неистинное» (*Die Ganze ist Unwahr*)²⁵. Адорно строит такую социокультурную модель целостности, в которой полагается независимое существование части от целого. В то же время немецкий мыслитель разработал холистическую модель позитивной целостности, в которой все части взаимосвязаны. Как ни странно, но другой принцип его критической теории состоит в следующем: ни один объект не существует вне целостности. «Система и элемент взаимосвязаны и познаваемы лишь в их взаимосвязи»²⁶.

Известно, что немецкий философ критиковал тотальность понятия, считая, что насилие абстракции устраняет все нетождественное. В этом контексте Адорно акцентировал внимание на «избыточности» реальности: «То, что есть, больше, чем оно есть»²⁷. Это «больше» указывает на то, что нечто превышает возможности понятийного познания, то есть нечто уклоняется от субъекта.

В качестве альтернативы абстрактному мышлению Адорно представляет собой вовсе не проект тотального разрушения, а попытку прорыва восприятия через «затвердевшую» поверхность понятийной формы²⁸. Действительно, абстрактное понятие является *всего лишь частью*, но никак не *всей реальностью*. Следовательно, то, что выходит за рамки понятия, и есть целостность. Как бы это не выглядело парадоксальным, но нетождественное — это не уникальная часть, а конкретная целостность как совокупность всех частей. Трагедия познания и культуры в целом заключается в том, что субъект воображает, будто способен постичь целостность мира, однако он имеет дело только с поверхностным слоем и не «видит» сложное ветвящееся многообразие системных связей ускользающей реальности²⁹.

²² Хайдеггер М. Положение об основании. М. ; СПб., 1999. С. 117.

²³ Хайдеггер М. Онто-тео-логическое строение метафизики // Тожество и различие / М. Хайдеггер. М., 1997. С. 52.

²⁴ Хайдеггер М. Положение об основании. С. 100.

²⁵ Adorno T. W. *Minima Moralia*. S. 57.

²⁶ Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 77.

²⁷ Адорно Т. В. Негативная диалектика. М., 2003. С. 148.

²⁸ См.: Адорно Т. В. Негативная диалектика. С. 134.

²⁹ Подробнее см.: Сивков Д. Концепция «ускользающей реальности» в философии Т. В. Адорно // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2009. № 1 (5). С. 48–59.

В то же время постоянное отклонение от субъекта диалектически обнаруживает реальность медиа как сопротивление. Как пишет словенский философ Славој Жижек: «Реальность в конечном итоге — это то, что оказывает сопротивление»³⁰. Подобный принцип формулирует и Бруно Латур в книге «Пастеризация Франции»:

«Реально то, что сопротивляется испытаниям. Глагол «сопротивляться» не является привилегированным словом. Он используется для обозначения всей совокупности глаголов и прилагательных, орудий и приборов, которые вместе определяют способы быть реальным. Мы равным образом можем сказать «свертываться», «сгибаться», «загораживать», «обострять», «скользить». <...> Реальное — это не вещь среди других вещей, но скорее градиент сопротивления. Не существует различия между «реальным» и «нереальным», «реальным» и «возможным», «реальным» и «воображаемым». Скорее все это различие между теми, кто сопротивляется длительное время и теми, кто этого не делает, между теми, кто сопротивляется отверженно, и теми, кто нет...»³¹

Итак, в случае с ускользающей реальностью медиа, «нечто непознаваемо» превращается в «нечто есть», подобно тому, как у Декарта радикальное сомнение оборачивается утверждением субъекта. Таким образом, признание непознаваемости медиа есть обнаружение реального и является не выводом, а лишь первым шагом в теории медиа.

Something special or nothing special? The problem of unproblematic media

D. Sivkov

This article sets in the problem of correlation between the material reality of technical media and the images produced by such media. Research materials are received from the anthropological analysis of constructing facts in the lab, performed by French sociologist Bruno Latour. They demonstrate the ignorance of the material activity of the "inscription devices" as in everyday life so as in scientific discourses. The author suggests to understand media in the context of the conception of the elusive reality, i. e. to understand the deviation of media as the condition of its detection.

Key words: media, Karlsson, Latour, Heidegger, Adorno, elusive reality, image, laboratory, inscription device, resistance.

³⁰ Жижек С. «Матрица», или Две стороны извращения // Искусство кино. 2000. № 6. С. 96.

³¹ Latour B. *The Pasteurization of France*. Cambridge; L., 1988. P. 158–159.